

RU

Внутренняя форма языковой единицы как мотиватор ее значения (на материале английского и русского языков)

Савицкая Е. В.

Аннотация. Цель исследования заключается в том, чтобы уточнить характер соотношения понятий «буквальное значение», «транспонированное значение», «реальное значение», «образная основа», «внутренняя форма» единицы языка, «языковая картина мира», тем самым устранив имеющиеся противоречия в их трактовках. Научная новизна исследования состоит в том, что в работе освещен функциональный аспект внутренней формы единиц языка, а именно механизм мотивировки значимой единицы представляет собой не ее буквальное значение как таковое, а отношение между ее буквальным и реальным значениями, лежащее в основе семантической мотивировки ее реального значения. Исследование проведено на материале английского и русского языков.

EN

Internal Form of Language Unit as Motivator of Its Meaning (by the Material of the English and Russian Languages)

Savitskaya E. V.

Abstract. The aim of the study is to clarify the nature of the relationship between the notions “literal meaning”, “transposed meaning”, “real meaning”, “figurative basis”, “internal form” of a language unit, “linguistic worldview” thereby eliminating the existing inconsistencies in their interpretations. The scientific novelty lies in the fact that the work highlights the functional aspect of the internal form of language units, namely the mechanism of motivating meanings with the help of the internal form. The obtained results have shown that the internal form of a language unit is not its literal meaning as such, but the relationship between its literal and real meanings which underlies the semantic motivation of its real meaning. The study has been conducted by the material of the English and Russian languages.

Введение

Актуальность проведенного исследования определяется тем фактом, что на рубеже тысячелетий в лингвистических изысканиях наметился перенос акцента с анализа языка как инструмента общения (коммуникативный подход) на его изучение как орудия познания и осмысления мира (лингвокогнитивный подход), кроме того, средства формирования, трансляции, хранения культуры (лингвокультурный подход). В этом ракурсе рассмотрения внутренняя форма языка в целом и входящих в его состав единиц получила новое освещение. В центр исследовательского внимания всё больше выдвигается феномен двойного («стереоскопического») отражения мира, зафиксированного в языке – сквозь призму значения языковой единицы и сквозь призму ее внутренней формы. Раскрытие механизмов такого отражения (моделирования) мира, пользуясь выражением Р. О. Якобсона, можно назвать очередным шагом на пути «поисков сущности языка». Наша работа написана в этом русле.

Задачи исследования состоят в том, чтобы: 1) устранить нестыковки в определениях внутренней формы и исходя из этого дать непротиворечивое определение внутренней формы языковой единицы; 2) выявить различие между буквальным значением языковой единицы и ее внутренней формой; 3) выяснить, как коррелируют между собой внутренняя форма языка и языковая картина мира; 4) определить, как внутренняя форма языковой единицы выполняет функцию мотивировки ее значения.

Методы исследования определяются поставленными задачами. В ходе работы применялись: метод анализа словарных дефиниций (задача 1); метод семантического анализа (задача 2); метод контрастивного анализа (задача 3); процедура установления внутренней формы языковой единицы с помощью суперпозиции (наложения) буквального значения на реальное (задача 4).

Теоретическая база: решение поставленных задач стало возможным благодаря анализу и сопоставлению трудов, посвященных проблематике внутренней формы и образной основы языковых единиц (Внутренняя форма..., 1990; Гегель, 2019; Гумбольдт, 1984; Коралова, 2014; Куликова, 2011; Мелерович, Мокиенко, 2008; Потеня, 2016), а также языковой картины мира (Апресян, 1995; Зализняк, 2014; Небольсина, 2005; Саная, 1990).

Практическая значимость: собранные материалы и сделанные выводы могут найти применение в учебном процессе в вузах гуманитарного профиля – в лекционных курсах лексикологии, стилистики, спецкурсах по фразеологии, межкультурной коммуникации, теории и практике перевода – а также при разработке учебных пособий и методических материалов по перечисленным дисциплинам.

Основная часть

С тех пор как Г. В. Ф. Гегель (2019) обосновал понятие внутренней формы содержания, В. фон Гумбольдт (1984) – понятие внутренней формы языка, а А. А. Потеня (2016) – понятие внутренней формы слова, на страницах языковедческих и лингвофилософских трудов не утихают споры о сущности внутренней формы. Продолжительность этих споров и множественность толкований этого понятия свидетельствуют о значительной сложности и многогранности объекта дискуссии. Наша работа написана в русле одного из направлений в разработке этой темы, а именно направления, связанного с изучением функционального потенциала внутренней формы языковых единиц.

В лингвистической литературе (в трудах Г. Г. Шпета, Т. В. Булыгиной, Ю. С. Маслова, А. Д. Шмелева, Анны А. Зализняк, А. Н. Баранова и других ученых) выдвинут ряд определений внутренней формы языковой единицы, раскрывающих это понятие с разных сторон и порой не согласующихся друг с другом. Не вдаваясь в их развернутый сопоставительный анализ вследствие ограниченного объема статьи, определим объект изысканий в том ракурсе его рассмотрения, который соответствует функциональному аспекту данной темы.

По нашим представлениям, в этом ракурсе внутренняя форма языковой единицы предстает как воплощенный во внешней (звуковой) форме пласт ее семантики, мотивирующий и моделирующий значение языковой единицы и относящийся не к ее плану содержания, а к ее плану выражения. Внутреннюю форму языковой единицы необходимо изучать не изолированно, а непременно в ее связи со значением этой единицы, причем не с любым из ее значений, а с определенным, отдельно взятым значением.

Эта необходимость вызвана следующим обстоятельством. Семантические варианты языковой единицы имеют одно и то же буквальное значение, но при этом могут обладать разными внутренними формами. Внутреннюю форму можно установить лишь тогда, когда буквальное значение накладывается на конкретное реальное значение (то есть то значение, в котором единица языка употребляется в речи); при этом становится видно, каким способом реальное значение выведено из буквального и какие части их структуры совпадают. У непереосмысленных языковых единиц буквальное и реальное значения в полной мере совпадают, тогда как у переосмысленных языковых единиц они в той или иной (в том числе полной) мере не совпадают.

Для подтверждения этого тезиса рассмотрим английский фразеологизм *to go with the flow* (букв. 'плыть по течению'). Плыть по течению можно, активно используя его силу или пассивно следуя воле волн. Эти две грани буквального значения данного фразеологизма легли в основу двух его реальных значений:

- (1) 'использовать благоприятные обстоятельства';
- (2) 'поддаваться общей тенденции'.

Приведенные семантические варианты фразеологизма имеют одно и то же буквальное значение ('плыть по течению'), но разные внутренние формы, которые различаются семемами 'активно' :: 'пассивно' и на этой основе по-разному мотивируют реальные значения этого фразеологизма.

То же можно сказать об английском имени существительном *moonshine*, которое имеет одно буквальное значение ('лунное сияние') и два реальных:

- (1) 'нечто призрачное, трудноразличимое, иллюзорное';
- (2) 'самогон'.

Как и в предыдущем примере, в основу переосмысления буквального значения легли две его разные грани: зыбкость очертаний предметов при свете луны и ночное время (самогон гнали тайно, по ночам). Таким путем на основе одного буквального значения этого слова возникли два его реальных значения и, соответственно, две его внутренних формы.

У единиц разных языков тоже бывают одинаковые буквальные значения, но их реальные значения, а с ними и внутренние формы могут различаться. Ср.:

- англ. *white night* 'бессонная ночь' и рус. *белая ночь* 'северная летняя ночь';
- англ. *red fish* 'морской окунь' и рус. *красная рыба* 'рыба лососевых пород';
- англ. *sea dog* 'опытный моряк' и рус. *морская собака* 'катран (вид акулы)';
- англ. *to eat dog* 'стерпеть унижение' и рус. *собаку съест* 'обрести опыт';
- англ. *wind in the head* 'зазнайство' и рус. *ветер в голове* 'легкомыслие';
- англ. *to take to one's bosom* 'жениться' и рус. *принять на грудь* 'выпить';
- англ. *black eye* 'фингал' и рус. *черный* (= дурной) *глаз* 'порча, сглаз';
- англ. *white mushroom* 'шампиньон' и рус. *белый гриб* 'боровик'.

В таких случаях семантическая мотивировка реальных значений тоже осуществляется разными гранями одного и того же буквального значения. Например, англичане называют белым грибом шампиньон потому, что он и в самом деле белый, а русские именуют белым грибом серо-коричневый боровик потому, что (1) он не темнеет на срезе, (2) в старину русское слово *белый* имело значение 'знатный, первоклассный'.

Но в тех случаях, когда реальные значения языковой единицы в том или ином отношении аналогичны друг другу, буквальное значение накладывается на общую часть реальных значений одним и тем же способом и мотивирует их одинаково. Например, в Великобритании и США три контингента людей имели общую черту внешности – синий китель (англ. *blue coat*), служивший частью их униформы. На этой основе было образовано устойчивое наименование *blue coat / bluecoat*. Оно имеет три значения:

- (1) истор. ‘солдат армии северян времен гражданской войны в США’;
- (2) разг. ‘полицейский’;
- (3) разг. ‘моряк’.

Они мотивированы одним и тем же способом синекдохического переноса. У них одинаково не только буквальное значение, но и внутренняя форма.

Английское наименование *red cap / redcap* (букв. ‘красная фуражка’, перен. ‘военный полицейский’, ‘носьщик’, ‘ж.-д. проводник’) образовано тем же способом синекдохического переноса; буквальное значение мотивирует все три реальных значения одинаково. Однако, в отличие от него, ороним *Red Cap* (название холма в Квинсленде, Австралия (https://www.exploroz.com/traveller?_branch_match_352)) создан путем переноса по цвету (краснозём) и по форме (слово *cap* обозначает не только фуражку, но и колпак; холм похож на колпак). Этот ороним имеет иную внутреннюю форму, поскольку его буквальное значение иным способом (не синекдохически, а метафорически) мотивирует его реальное значение. Как видим, одно и то же буквальное значение может в одних случаях – одинаково, а в других – по-разному мотивировать реальные значения. Отсюда проистекает сходство или же различие во внутренних формах языковых единиц с одним и тем же буквальным значением.

То же наблюдается при сравнении английского фразеоматизма *red bug* с английским фразеологизмом *red bug* (букв. ‘красный жук’). Буквальное значение фразеоматизма мотивирует три его реальных значения одним и тем же способом, а именно способом семантического сужения (в суженных значениях он обозначает три вида красных жуков):

- (1) ‘жук-краснотелка (лат. *Trombicula*)’;
- (2) ‘жук-пожарник (лат. *Dysdercus*)’;
- (3) ‘жук-солдатик (лат. *Pyrhocoris*)’.

Как видим, все семантические варианты этого фразеоматизма имеют не только одинаковое буквальное значение, но и одинаковую внутреннюю форму.

Что касается фразеологизма *red bug* (разговорного названия одной из марок автомобилей фирмы «Фольксваген»), его внутренняя форма иная, т.к. буквальное значение мотивирует реальное значение иначе (не путем сужения значения, а путем метафорического переноса значения по форме и цвету). Этот пример, как и предыдущий, демонстрирует способность буквального значения то одинаково, то по-разному мотивировать реальные значения единиц языка и, следовательно, выступать в качестве то одной, то разных внутренних форм.

Внутренняя форма – это функциональная ипостась буквального значения. Как было показано выше, одно буквальное значение может выступать в нескольких ипостасях (служить внутренними формами – мотиваторами разных реальных значений).

Функцию внутренней формы выполняет не только собственно буквальное значение, непосредственно сложенное из значений частей языковой единицы, но и фрагмент фоновых знаний, который значим для мотивировки реального значения. Так, в роли внутренней формы фразеологизма *Damocles' sword* (рус. *Дамоклов меч*) выступает не только буквальное значение ‘меч Дамокла’ (этого мало для мотивировки), но и вся та античная легенда, из которой становится ясно, почему этот меч символизирует постоянно нависающую опасность.

Эти примеры подтверждают приводившийся выше тезис: у семантически мотивированной языковой единицы внутренняя форма принадлежит не плану содержания, а плану выражения. На это в свое время указывали К. А. Долинин (2021, с. 94) и А. И. Новиков (1989, с. 95), но данная точка зрения не общепринята.

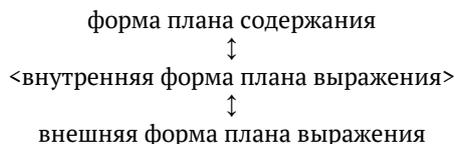
Наша аргументация направлена на подтверждение данной точки зрения. Структура значения языковой единицы, выявляемая из словарной дефиниции, – это форма ее плана содержания, а внутренняя форма языковой единицы – это часть формы ее плана выражения, выявляемая из ее морфемного/лексемного состава и слово-/фразообразовательной модели. В тезисе «внутренняя форма есть способ организации значения» (Саная, 1990, с. 124) оборот *способ организации значения* должен, по нашему мнению, пониматься не как «структура значения», а как «модель структуры значения».

В порядке пояснения этого тезиса отметим, что Г. Гегель и А. А. Потебня, употребляя термин *внутренняя форма*, имели в виду несколько разные вещи. Г. Гегель писал о внутренней форме содержания, противопоставленной внешней форме содержания, т.е. о структуре самого значения в противовес структуре его материального воплощения, тогда как А. А. Потебня писал о внутренней форме слова (и – шире – языкового знака), т.е. не собственно о структуре значения, а о ее субстрате, мотивирующем значение и моделирующем его структуру.

Так, например, английский технический термин *crane* ‘подъемный кран’ имеет дефиницию ‘высокий механизм для перемещения тяжелых предметов путем подвешивания к выступающему рычагу или балке’ (Collins English Dictionary, 2006) (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Е. С.). Эта дефиниция содержит структуру значения данного слова – то, что Г. Гегель называл внутренней формой содержания (в противовес его внешней форме – структуре звукоряда [kreɪn]). В то же время это слово имеет буквальное значение ‘журавль’; оно моделирует значение ‘подъемный кран’ и мотивирует его способом метафорического переноса по форме (своими очертаниями подъемный кран похож на журавля). Это то, что А. А. Потебня называл внутренней формой слова. Подчеркнем еще раз: внутренняя форма языковой единицы – это не структура ее значения, а модель структуры значения и его мотиватор.

Образно говоря, те, кто употребляет языковую единицу, видят денотат сквозь «стереоскопические очки»: одна линза – это структура значения, а другая – внутренняя форма единицы. Это несколько разные, но скоординированные ракурсы, обеспечивающие объемное видение денотата.

Структуру мотивированной единицы языка можно представить так:

Угловые скобки здесь означают, что внутренняя форма мотивированной языковой единицы – это необязательная часть ее структуры. В частности, у ономастических слов (таких как англ. *splash, sizzle, bang, crack, rattle*, рус. *лязг, хрип, хрип, звон, гром* и т.п.) функцию мотивировки значения напрямую (без посредства внутренней формы) выполняет их внешняя – звуковая – форма. В подобных случаях, становясь функциональной заменой внутренней формы языковой единицы, ее звуковая форма перестает быть «внешне безразличной для содержания» (выражение Г. Гегеля (2019)).

Располагаясь между внешней формой языковой единицы и ее значением, внутренняя форма выступает в роли мотиватора не только ее значения, но и ее внешней формы, «указывает на причину, по которой данное значение оказалось выраженным именно данным сочетанием звуков» (Внутренняя форма..., 1990, с. 85), определяет выбор означающих для элементов означаемого.

Говоря в целом, внутренняя форма языковой единицы выступает как фактор создания ее структуры на разных уровнях этой структуры. Например, в разноязыковых эквивалентах – англ. *milk powder* (букв. ‘молочный порошок’) и рус. *сухое молоко* – семы, составляющие одно и то же значение, неодинаково распределены по лексическим десигнаторам вследствие разницы во внутренних формах: в английском наименовании семы ‘молоко’ и ‘сыпучее’ имеют свои собственные лексемы, а сема ‘обезвоженное’ не имеет своей лексемы и носит имплицитный характер, тогда как в русском наименовании собственными лексическими десигнаторами обладают семы ‘молоко’ и ‘обезвоженное’, а имплицитный характер носит сема ‘сыпучее’, не имеющая своей лексемы.

Так, согласно нашим представлениям, соотносятся друг с другом понятия «буквальное :: реальное значение языковой единицы» и «внутренняя :: внешняя форма языковой единицы».

Прокомментируем далее понятие «образная основа языковой единицы». Мы поддерживаем тезис: «Образная основа и внутренняя форма – это не одно и то же» (Мелерович, 1983, с. 82). Образной основой целесообразно называть ту разновидность внутренней формы, которая присуща единицам с образным значением. А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко (2008) толкуют образное значение как такое значение, «которое выражено посредством созданного в языковой форме представления, инородного по отношению к денотату языкового знака» (с. 45). Образная основа служит внутренней формой и мотиватором образного значения.

Аналогичное толкование выдвинула А. Л. Коралова (2014): «Лингвистический образ – созданное средствами языка двуплановое изображение, основанное на выражении одного предмета через другой» (с. 1). Указанный автор относит к числу образных средств компаратив, метафору и метонимию. Добавим: на наш взгляд, в этот ряд входят также аллегория и символ, поскольку они тоже соответствуют данному толкованию.

В приведенных толкованиях указано, что денотат реального значения и денотат образной основы языковой единицы внеположены, т.е. не пересекаются между собой. Значение переносится с одного денотата на другой и потому носит название переносного. Этим свойством оно отличается от сдвинутого, расширенного и суженного значений, объемы которых имеют общие участки с объемами буквальных значений (об этом см. работы: Ерохина, 1999; Куликова, 2011; Шукина, 2016).

Значения языковых единиц, претерпевшие то или иное преобразование (в терминах Е. Куриловича (2000) – транспозицию семантической стороны знака), противопоставляются буквальным и называются транспонированными, то есть смещенными по отношению к объему буквального значения языковой единицы. Видами семантической транспозиции являются упоминавшиеся выше сужение, расширение, сдвиг и перенос значения.

Резюмируя, определим ряд понятий из данной тематической области:

- Буквальное значение языковой единицы – это то значение, которое выводится из значений ее составных частей (морфем/лексем) по стандартному правилу комбинирования значений (описанному, в частности, М. В. Никитиным (2009)).

- Транспонированное значение языковой единицы – значение, преобразованное по схеме сужения, расширения, сдвига или переноса значений.

- Реальное значение языковой единицы – значение, в котором данная единица употребляется в речи. Оно бывает как буквальным, так и транспонированным.

- Образная основа – буквальное значение такой языковой единицы, которая имеет переносное реальное значение.

- Внутренняя форма языковой единицы – функциональная ипостась ее буквального значения, выступающего в роли мотиватора одного или более реальных значений.

Обратимся далее к вопросу о том, как соотносятся друг с другом понятия «внутренняя форма языка» и «языковая картина мира». Когда лингвисты ведут речь о внутренней форме, они, как правило, имеют в виду внутреннюю форму отдельных языковых единиц. Но еще В. фон Гумбольдт (1984, с. 103) писал о внутренней форме языка в целом. Под ней он понимал взгляд на мир, выработанный народом в процессе культурно-исторического развития и заключенный в языке. Понятие «внутренняя форма языка» коррелирует с понятием

«картина мира», которое ныне определяется как «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном сознании» (Небольсина, 2005, с. 302). Что касается понятия «языковая картина мира», оно возникло вследствие дальнейшей разработки понятия «внутренняя форма языка»; на наш взгляд, эти понятия не должны отождествляться друг с другом.

О том, что представляет собой внутренняя форма языка, можно судить, в частности, по картине П. Брейгеля Старшего «Фламандские пословицы»: на ней кто-то кроет крышу пирогами, кто-то кусает колонны, кто-то привязывает дьявола к подушке, кто-то бросает жемчуг свиньям, кто-то развеивает перья по ветру и т.п. На этой картине люди совершают множество абсурдных действий, которые они, будучи в здравом уме, никогда не совершают в реальной жизни.

Нечто подобное наблюдается на Острове пословиц в романе Ф. Рабле (2021), где люди садятся между двух стульев, едят топоры с горчицей, кормят собак овсом и т.п., и в сказках Л. Кэрролла (Carroll, 2015) с их умопомрачительными персонажами, созданными путем буквализации английских образных выражений – такими как Сумасшедший Шляпник (*Mad Hatter < as mad as a hatter*), Мартовский Заяц (*March Hare < as mad as a March hare*), Чеширский Кот (*Cheshire Cat < to smile like a Cheshire cat*), Шалтай-Болтай (*Humpty Dumpty*), Тра-ля-ля и Тру-ля-ля (*Tweedledum and Tweedledee*). Всё это – фрагменты внутренней формы языка.

Неслучайно картина П. Брейгеля Старшего имеет и другое название: «Мир вверх тормашками». Изображенная на ней внутренняя форма фламандского языка – фантазмагория, а вовсе не «исторически сложившаяся в обыденном сознании языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, способ концептуализации действительности», как охарактеризовала языковую картину мира Анна А. Зализняк (2014). Таким образом, внутренняя форма языка и языковая картина мира – не одно и то же.

Согласно Ю. Д. Апресяну (1995), языковая картина мира «связана с отражением бытового, обыденного восприятия вещей» (с. 38). Хотя она еще не носит научного характера, за ней «стоит практический опыт десятков поколений» (с. 39). Она достаточно адекватна миру, чтобы на ее основе человек мог выживать, достигать вполне реальных целей и добиваться успеха. В отличие от внутренней формы языка, языковая картина мира – отнюдь не фантазмагория; иначе через призму языка люди видели бы мир «вверх тормашками».

На наш взгляд, внутренняя форма языка составляет нижний (образный) слой языковой картины мира; это субстрат, на котором зиждется ее верхний (понятийный) слой. Например, в научной картине мира алмаз представлен так: «Кристаллизованный полиморф углерода, с твердостью по шкале Мооса 10, удельным весом 3,52, показателем преломления 2,42» (<https://rocksmaterials.flexiblelearning.auckland.ac.nz/minerals/index.html>). Эта характеристика, в которой представлена глубинная сущность объекта, не отражена в языковой картине мира. В ней отражены поверхностные, непосредственно наблюдаемые признаки: «Прозрачный, очень твердый драгоценный камень, применяемый в ювелирном деле и в индустрии для разрезания твердых предметов» (Collins English Dictionary, 2006).

Два из этих признаков отражены во внутренней форме английского слова *diamond* ('алмаз'), имеющего древнегреческие корни: «...контаминация греч. *adamas* “нерушимый” и *diaphane* “прозрачный”» (Klein, 2013). Их недостаточно, чтобы представить алмаз в языковой картине мира. Для этого требуется не только внутренняя форма слова *diamond*, но и всё его обыденное значение целиком.

Значения единиц обыденного языка образуют семантическую «сетку», членищую мир определенным способом, отличным от способа, которым членил мир наука, а внутренняя форма языка выступает как вспомогательное средство категоризации мира. Вот почему мы считаем, что внутренняя форма языка не тождественна языковой картине мира. Это лишь часть языковой картины мира.

Заключение

Подводя итоги, еще раз подчеркнем необходимость проведения ряда четких разграничений: внутренняя форма языковой единицы – не то же, что ее буквальное значение, и не то же, что структура ее реального значения; внутренняя форма языка – это не то же, что языковая картина мира; образная основа языковой единицы – не то же, что ее внутренняя форма. Если не проводить (недостаточно отчетливо проводить) перечисленные разграничения, то в этой области научных изысканий возможны снижение взаимопонимания между исследователями и возникновение серьезных коммуникативных сбоев в научном дискурсе.

Сформулируем выводы на основе результатов проделанной работы:

1. В функциональном аспекте внутренняя форма языковой единицы предстает как воплощенный во внешней (звуковой) форме пласт ее семантики, мотивирующий и моделирующий значение языковой единицы и относящийся не к ее плану содержания, а к ее плану выражения.

2. Внутренняя форма языковой единицы есть функциональная ипостась ее буквального значения (не любого, а отдельно взятого буквального значения).

3. Внутренняя форма языка составляет нижний (образный) слой языковой картины мира, фундамент ее верхнего (понятийного) слоя.

4. Внутренняя форма языковой единицы представляет собой не само по себе ее буквальное значение, а отношение буквального значения к реальному, лежащее в основе семантической мотивировки языковой единицы.

Перспективы дальнейшего исследования в заданном направлении видятся нам в следующем:

- систематическое описание внутренних форм отдельных языков в целях выявления этноспецифики видения мира;
- продолжение сопоставительного изучения внутренних форм языков в рамках структурно-типологического и контрастивного анализа;

- дальнейшее исследование феномена «стереоскопического» взгляда на мир сквозь призму внутренней формы и сквозь призму значения языкового знака;
- дальнейшее выявление функций внутренней формы языкового знака и установление их иерархии.

Источники | References

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного анализа // Вопросы языкознания. 1995. № 1.
2. Внутренняя форма слова // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М.: АСТ, 2019.
4. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и об их влиянии на развитие человеческого рода // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
5. Долинин К. А. Стилистика французского языка. М.: URSS, 2021.
6. Ерохина Н. В. Структура и функции идиом: на материале субстантивных устойчивых словосочетаний и сложных существительных английского языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. Самара, 1999.
7. Зализняк Анна А. Языковая картина мира. 2014. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html
8. Коралова А. Л. Прагматические аспекты передачи образности в тексте перевода. 2014. URL: <http://www.thinkaloud.ru/science/kor-obraz.pdf>
9. Куликова Н. В. Моделирование действительности в образной основе английских фразеологических единиц: автореф. дисс. ... к. филол. н. Самара, 2011.
10. Курилович Е. Очерки по лингвистике. Биробиджан: Тривиум, 2000.
11. Мелерович А. М. Образная основа и внутренняя форма фразеологических единиц // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака: сб. науч. тр. / под ред. З. Д. Поповой. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1983.
12. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного английского языка. Кострома: Костром. гос. ун-т, 2008.
13. Небольсина П. А. Языковая картина мира: определение понятия // Материалы XV Ежегодной международной богословской конференции (г. Москва, 20-22 января 2005 г.): в 2-х т. М., 2005. Т. 2.
14. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М.: Либроком, 2009.
15. Новиков А. И. Знание в системах общения // Лингвистическая прагматика и общение с ЭВМ / под ред. Е. Ф. Тарасова. М.: Наука, 1989.
16. Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Юрайт, 2016.
17. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Азбука-классика, 2021.
18. Саная Н. Т. Роль ассоциативно-образного этапа в процессе формирования связанных значений слов // Фразеологическая параметризация в машинном фонде русского языка: сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Телии. М., 1990.
19. Шукина Г. О. Виды фразеологической номинации в английском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Самара, 2016.
20. Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland. Through the Looking-Glass and What Alice Found There. L.: Alma Classics, 2015.
21. Collins English Dictionary / ed. by P. Hanks. L. - Glasgow: William Collins Sons and Co. Ltd., 2006.
22. Klein E. Klein's Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam - L. - N. Y.: Elsevier Publishing Co., 2013.

Информация об авторах | Author information

Савицкая Екатерина Владимировна¹, к. филол. н., доц.

¹ Самарский государственный социально-педагогический университет

Savitskaya Ekaterina Vladimirovna¹, PhD

¹ Samara State University of Social Sciences and Education

¹ lampasha90@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 19.05.2022; опубликовано (published): 31.08.2022.

Ключевые слова (keywords): внутренняя и внешняя форма языковой единицы; буквальное и транспонированное значение языковой единицы; семантическая мотивировка значения языковой единицы; образная основа языковой единицы; internal and external form of language unit; literal and transposed meaning of language unit; semantic motivation of language unit meaning; figurative basis of language unit.